

Но фильм потерпел сокрушительный провал, и это вызвало у обоих актеров полную растерянность. И хотя и он, и она были очень знамениты, они оказались совершенно «на мели». Пришлось отказаться от других совместных планов (среди которых были «Ночные ворота» Марселя Карне) и смириться с тем, что каждый будет «работать на себя».

Мирная жизнь удаляла их друг от друга куда быстрее и бесповоротнее, чем военная. Габену хотелось, чтобы Марлен принадлежала ему одному, без остатка. Чтобы у них был свой дом и даже ребенок. Марлен же прекрасно понимала, что такое счастье возможно с кем угодно, только не с ней. Детей ей рожать было уже поздно, и вообще она боялась связать Габена обязательствами, о которых он потом мог пожалеть.

Она уехала в Америку. Вернулась. Снова уехала. Каждая новая разлука все больше отдаляла их друг от друга...

Постепенно Марлен снова заняла массу контрактов в Голливуде. А значит — много денег, которые по привычке актриса щедро раздавала нуждающимся. Во Францию она теперь больше не показывалась. Но безумно по ней тосковала. Это была ностальгия по стране, где остался и жил Габен. Стоило ей только погрузиться в себя, как она пыталась представить, что в эту минуту делает Жан. Может быть, поэтому она так привязалась к Эдит Пиаф, которая в это время находилась в Нью-Йорке. Пиаф любила такого мужчину, как чемпион по боксу Марсель Сердан, очень напоминавшего Габена. И по-французски она говорила с тем же акцентом парижских окраин, что и Габен...

Женитьба Габена на неизвестной женщине необыкновенной красоты, о которой каждый, кто успел с ней познакомиться, говорил с восторгом, расхваливая ее доброту и сердечность, привела Марлен в еще большее уныние. Отныне актер категорически отказывался от какого-либо общения с ней. Он слишком хорошо знал умение Дитрих делать растяжимыми понятия супружеской верности. И не хотел ставить свою жену в какую-то двусмысленную ситуацию. Долгое время Марлен отказывалась с этим смириться. Она искала всевозможных предлогов, чтобы с ним где-то столкнуться, хотя бы на короткий миг. На кинопразднике «Ярмарка звезд», например, где они наконец оказались вместе, она выглядела элегантно и оживленной. Габен же держался так, словно ее не замечал. Однако такая выдержка ему самому дорого стоила и заставляла его страдать. Марлен это понимала. И с тех пор постепенно, не сразу, но все же признала свое поражение. Ей ничего не оставалось, как с наигранным удовольствием предаться светской жизни, которая в послевоенном Нью-Йорке была ключом.